

меслом и теоретизированием по поводу мира вещей, сопрягающей то и другое. Иначе говоря: технохимическое ремесло и чистое теоретизирование. Здесь и — это сама алхимия, осуществляющая дилетантское средостение этих двух ипостасей деятельности средневекового человека. Такова синхрония. По мере кардинальных диахронных изменений³, то есть изменений подлинно исторических, и технохимия, и теоретизирование будут каждый раз взаимно иными. Вместе с ними и алхимия тоже будет иной. Но здесь и начинается исследование алхимии как ее истории⁴.

История эта движется едва заметно. Вот почему описать ее обычными средствами трудно. Да и вряд ли нужно, ибо тогда будет утрачена специфика исторического времени алхимии как уникального макрообъекта средневековой культуры. Замедленная съемка. Нужно найти иной способ исторического описания. «Приближенное описание» — воспользуюсь здесь выражением Д. С. Лихачева (1973, с. 6) — существенная особенность такого описания. Крупно. И только потому купно. Башня из слоновой кости, точнее, под слоновую кость из беленого картона, с одной, алхимической стороны; самоизменение правоверного христианина — с другой. *Алхимический универсум* — пародийный образ по отношению к образцовому мирозданию официального средневековья.

Вместе с тем глубоко еретический акт возникновения алхимии в противовес собственно средневековью оборачивается поразительной жесткостью, сковавшей живое движение первоначальной алхимической мысли. Но именно это и составляет суть пародии: доведение объекта пародии до абсурда. *Scientia immutabilis*. Но и... распад, самоуничтожение.

³ В результате пародирования и равнения на это пародирование как раз и возникает возможность ориентации на инокультурное.

⁴ Историческое время разномасштабно. Незыблемая традиционность средневекового ума — новаторская перемснчивость мышления нового времени. Черепаший шаг средневековья — спринтерский темп новой культуры. Аморфное время средних веков — изоморфное время нового времени. Часы и секундомер. Часы, которые практически стоят, — инструмент, находящийся в согласии с наперед заданной незыблемой структурой средневекового мироощущения. Чувство неизменного — единственно достойное ощущение движения остановленного времени. Предание священо. Новое еретично. Комментирование старого, внешне это старое не колеблющее. Таково историческое время в середине века. Всякое изменение приемлется лишь тогда, когда включается в массив неизменного соборного христианского предания.

Но и в самой средневековой культуре часы разных культурных пластов показывают разное время. Если историческая жизнь официального средневековья изменяется все-таки временем, то историческая жизнь его алхимической периферии — вечностью (доведенное до пародии черепашее время официального средневековья). Алхимические часы показывают всегда одно и то же время: без пяти минут вечность — время почти получения почти философского камня, почти превращающего *несовершенный металл* в почти *золото*. Часы без часового механизма. Но такие зато часы, которые загадочным — дистанционным — образом убыстряют ход часов магистрального средневековья, переводя их с медленного хода на медленный бег — до... полного распада связи времен — *гамлетовской* связи времен. Всконая стрелка становится годовой. Да и алхимическая вечность, расшатываясь, тоже становится в конечном счете «химическим» временем — временем протекающих химических реакций.